

— Вернуться с такой ношей домой? У Хуайфэна сейчас нет жены, неужели мне придется заниматься его воспитанием?

Чтобы поговорить с Линь Цюндэ, она пересела в карету Линь Фэна и сразу же задала вопрос, полный недоумения.

Линь Цюндэ, закрыв глаза, неспешно ответил:

— Не стоит тебе беспокоиться. Хуайфэн сказал, что Линь Яньсы поселится в Восточном дворе Линь Яньхуна, и его кормилица будет за ним ухаживать. Когда ему исполнится одиннадцать-двенадцать лет и он поступит в школу, его отправят обратно в пятый дом.

— Раз уж его забрали, разве можно будет вернуть? — Линь Тунши этим словам не верила. — К тому времени старший из пятого дома уже обзаведется семьей и будет занят своими делами, и тем более не захочет заботиться о младшем.

— Сначала переживем этот этап, а потом уже будем думать о будущем, — после долгой паузы снова заговорил Линь Цюндэ. — Чжунцзя этой осенью сдает экзамены, и это дело не терпит отлагательств. Не говори больше, я уже принял решение!

Он понимал намерения Линь Тунши.

Легко пригласить Будду, но трудно его проводить. Хотя изначально они обещали воспитывать ребенка только до двенадцати лет, но вернуть его обратно будет не так-то просто.

Однако, учитывая текущие трудности, он пока не мог думать о других вещах.

Он не раз задумывался о том, чтобы провести несколько ритуалов в день Юань и раздать милостыню, но слова его приемного сына Линь Фэна развеяли эти мысли.

— В роду все еще есть недовольство по поводу дела Линь Яньсина. Я чувствую себя виноватым, что не смог его сдержать.

Линь Фэн чувствовал вину, но Линь Цюндэ не чувствовал. Он не боялся сплетен в родовом доме, но боялся «добавить масла в огонь».

Посторонние увидели бы, что он предпочел помогать нищим и беженцам в городе, нежели протянуть руку помощи младшему члену своего рода, и тогда хороших слов о нем бы не услышать.

Решив воспитывать Линь Яньсы, Линь Цюндэ руководствовался и своими интересами.

Изначально он хотел поселить его в Покоях Сяофу Линь Тунши, ведь воспитание мальчика бабушкой было бы естественным.

Таким образом, когда Яньсы вырастет, он будет ближе к ним, и это станет поддержкой для Линь Цюаня в будущем.

Но вспомнив, что Линь Тунши даже не хотела сама воспитывать Линь Яньхуна, а теперь готова заботиться о ребенке из пятого дома...

Не говоря уже о том, как объяснить это приемному сыну Линь Фэну, даже третий дом мог бы начать спорить.

Во время этого ритуала предков уже начали обсуждать здоровье Линь Яньхуна... Болевший с детства в старшем доме, он отправился в дальнюю поездку, прожил там два месяца и вернулся здоровым. Звучало это как насмешка!

Линь Цюндэ, вспомнив это, почувствовал гнев и раздражение, ощущая, что в последнее время все идет не так.

Он открыл глаза и решительно заявил:

— После окончания осенних экзаменов я лично буду следить за учебой Линь Яньхуна и Линь Яньсина!

Особенно Линь Яньсин должен был с триумфом выступить на экзамене туншэн в следующем году, иначе слухи о том, что он нанимал кого-то для написания работ и гнался за славой, подтвердятся!

...

Линь Яньхун в это время сидел в своей карете, играя с ребенком, и не знал, что в ближайшие полгода ему предстоит множество раз наблюдать, как Линь Яньсин будет получать удары по ладоням от деда Линь Цюндэ, и его крики будут весьма забавны.

Маленький Яньсы, покинув родовой дом, сначала был в панике. Линь Яньхун заметил, что мальчик почему-то боится взрослых мужчин, поэтому попросил заботливую тетушку Чунь и мягкую Хупо утешить его.

Сам Линь Яньхун сидел в стороне, делая вид, что читает книгу, чтобы не нервировать малыша своим присутствием «старшего брата».

Но его взгляд время от времени скользил в сторону этого двоюродного брата.

«Белокожий малыш с парой опущенных кошачьих ушей на голове и хвостом, который, возможно, из-за страха плотно обвивается вокруг тела. Разве это не заметно, разве это не мило?!»

Именно так, Линь Яньхун не мог оторвать глаз от Линь Яньсы с тех пор, как увидел его «воплощение души».

Фактически, во время этого ритуала предков Линь Яньхун заметил, что только у Линь Яньсы было такое «воплощение души». У его деда Линь Цюндэ, отца Линь Фэна и даже у настоящего деда, главы третьего дома, ничего подобного не было...

Только у этого бедняги из пятого дома было «воплощение души»!

Наставник Уцзюэ как-то намекнул ему, что среди обычных людей очень мало тех, кто обладает «воплощением души», и обычно это люди с выдающимися способностями или удачливые.

Ссылаясь на Хань Ци, самого молодого аньшоу из города Юньси, который также имел «воплощение души», Линь Яньхун подумал, что этот малыш, возможно, станет тем, кто принесет славу их роду.

Однако, когда Линь Яньхун убеждал отца Линь Фэна усыновить Линь Яньсы, у малыша еще не было никаких особых проявлений.

Только когда его посадили в карету и увезли подальше от родового дома, мальчик, возможно, из-за крайнего страха, «показал» свой хвостик.

Из-за «вида» Линь Яньсы Линь Яньхун еще больше убедился, что в его «прошлой жизни» он действительно превратился в кошку, которая была воплощением души клана Линь, а кошка, которую он видел в сюйми-цзецзы, вероятно, была воплощением души одного из предков.

Раз сюйми-цзецзы может передавать образы на расстоянии, то оставить след предка тоже не удивительно.

Малыш пока не заметил, что красивый старший брат тайно наблюдает за ним, он все еще слушал, как тетушка Чунь и Хупо его утешают.

— Юный господин Яньсы, когда мы приедем в город Юньян, у тебя будет своя комната. Тетушка Чунь будет играть с тобой, у нас будут вкусные сладости, а Сюаньцин сделает тебе бамбуковую стрекозу, которая будет летать. Нравится?

Малыш, удерживая слезы, не говорил, нравится ли ему это, и не качал головой. Его маленькие ручки крепко сжимали край бамбуковой циновки в карете, и он выглядел как брошенный зверек, вызывая жалость.

Хупо, увидев это, протянула ему маленький кусочек финикового пирога:

— Юный господин Яньсы, посмотри, вот такие сладости. Еще есть сладкий пирог из маша, цукаты, миндальные пальчики, суп из лонгана и семян лотоса...

Линь Яньхун, слушая, как Хупо соблазняет малыша едой, невольно сглотнул слюну... Ладно, он признал, что описанная Хупо картина была очень заманчивой.

Если даже взрослый Линь Яньхун не мог устоять, как мог бы устоять малыш, которому еще нет четырех лет?

Он невольно протянул маленькую ручку, посмотрел на Хупо и, увидев ее ободряющий взгляд, осторожно взял финиковый пирог и начал понемногу его кусать.

Хотя многие из этих вещей малыш еще не пробовал, цукаты, финиковый пирог и пирог из маша он уже ел, а миндальные пальчики и суп из лонгана, наверное, тоже вкусные!

Если слово «сладости» еще не полностью привлекло внимание маленького Яньсы, то перечисленные Хупо лакомства уже полностью завладели им.

Хупо сделала вид, что не замечает, и продолжила называть еще несколько видов сладостей. Видя, как малыш приоткрыл рот, перестал плакать и смотрел на нее, она почувствовала себя счастливой, словно увидела маленького старшего брата.

Линь Яньхун хотел предупредить Хупо, что если съесть все эти сладости, то даже если животик малыша не лопнет, его молочные зубки точно пострадают.

Но потом он подумал, что хотя Хупо все это перечислила, она не обещала, что он съест все сразу.

«Если установить правило, что малыш может есть только два вида сладостей в день и не больше двух штук за раз, можно избежать этой "трагедии" ...»

Подумав об этом, Линь Яньхун понял, что воспитание ребенка — это серьезная задача.

...

После возвращения с ритуала предков Линь Цзюань не задержался и сразу отправился обратно в Академию Цинтун.

С ним «ушли» и новости о том, что резиденция Линь в Юньяне усыновила сироту из своего рода. Это выглядело более искренне, чем раздача еды бедным в городе.

Как и предполагал Линь Цюндэ, этот «маленький, но искренний» добрый поступок действительно помог смягчить негативные последствия поэтического собрания любования лотосами.

Но все это уже не было тем, о чем Линь Яньхун сейчас думал.

Тетушка Чунь, будучи кормилицей Линь Яньхуна и матерью Сюаньцина, была опытной в уходе за детьми, и беспокоиться было не о чем.

Маленький Яньсы был очень тихим ребенком, и после прибытия в резиденцию Линь он не произнес ни слова за полмесяца.

Раньше Линь Яньсин, потерявший дар речи после падения в воду, не говорил полгода, и Линь Яньхун не придавал этому значения. Но теперь, когда дело касалось этого «хвостатого» малыша, он начал волноваться.

Если бы это был его собственный ребенок, можно было бы пригрозить: «Не будешь говорить — не получишь еды, будешь голодать», или даже шлепнуть по попе.

<http://bllate.org/book/17693/1651355>